

Вяч. Иванов — Степуну

*Roma. 22 марта 1925 г.
Via Quattro Fontane 172,
p[iano] III (presso¹ Placidi p[iano] III),
Roma (5)
Рим, 22.III.1925.*

Дорогой Федор Августович,

как Вы обрадовали меня своим откликом! Я уже думал, что над перепиской нашей тяготеет некий рок, что письмо мое к Вам не дошло, как не дошло Ваше первое письмо ко мне. Думал я также, что безмолвие Ваше объясняется... эпистолярною формой Вашего романа², которая, по законам психологии, могла вызвать, при обострении того патологического процесса, который мы называем творчеством, эпистолярную афасию. Гипотеза, как все позитивистические гипотезы, оказалась ложной — и слава Богу!.. Вы уже усмотрели из сказанного, что с Переслегиным я знаком. Но, увы, еще слишком поверхностно, дорогой друг, а я хочу с ним сдружиться, как с Вами, а он сложен и глубок, как Вы сам, и по двум всего книжкам «Совр[еменных] записок», мною читанным, его не постигнешь и не оценишь, даже не угадаешь, — ведь вот Вас сколько времени я разгадываю, а каждая новая Ваша строка дает мне для уразумения смыслов Ваших (ибо Вы многосмысленный) все новое и значительное. Короче говоря, я очень прошу Вас прислать оттиски, как романа, так и «Мыслей о России», потому что из «Совр[еменных] записок» видел я всего две предпоследние книжки³, да и то случайно. Заканчиваете Вы свою книгу, по-видимому, в чудесной местности (Alpes-Maritimes!⁴) и в спокойствии: пусть будет гостеприимная вилла для Вас Алкиноевым садом творчества⁵, где завязи новых плодов образуются в то время, как зрелые падают с ветвей.

Я же подобен бесплодной смоковнице⁶ и не знаю, зачем еще торчу под солнцем, к тому же римским. Вы называете это эвфемистически «стоянием в нише»... Или Ваша (не позитивистическая) гипотеза правильна: земля чрезмерно быстро завертелась вокруг солнца, а мы остались те же и проживем за сто двадцать лет? Тогда можно ошибаться в расчете сроков плодоношения.

Кажется, «что дух праздности и уныния»⁷, составляющий ныне мой тяжкий грех, есть симптом переживаемого мною эротического кризиса⁸. Не смейтесь: с Вами говорит постоянный в своей долгой как жизнь страсти любовник гуманизма. И вот, этой страсти, почти тождественной с жизнью, я, кажется, уже не нахожу в себе — под небом Рима! Другая страсть, другой Эрос ее вытесняет из души — медленно, но верно.

На другой день после *dies irae* революции ощущаешь себя «ушибленным копытом Демона», как говорит Эсхил¹⁷. Не закрепленным более родной почве [так!], существенно расширившимся до сознания сына земли. Пробужденным семью громами. Отрекающимся (ср. «*die Entsagenden*» Гете¹⁸). По туловище погруженным во всемирный и все растущий поток греха. Уцелевшим на малом островке¹⁹ среди «взрыва всех смыслов». Скучающим при пении всех культурных Сирен. Сбитым со всех средних позиций. Поставленным пред последним выбором²⁰: за Бога и Христа Его или против.

Ergo²¹?... «Ergo» — простейшая логическая операция — самая трудная операция для натур не-героических, к коим я, по неопровержимым основаниям, причисляю себя... и потому, между прочим, я с такою недоверчивою улыбкой слушаю Вас говорящим о демократии²², терпимости, гуманизме, философии, культуре и других обоего пола родственных и свойственных моей душе в привычном нам семейном круге «ценностей» вчерашнего эклектизма, — с «недоверчивою» улыбкой, сказал я, потому что знаю в Вас мистика, и знаю, что своеобразный склад Вашей мистики делает Вас самым добросовестным (до героизма) и самым ироническим (до нигилизма) слугою жизни... Что же до России (Вы ведь хотели бы «послушать», что я о ней думаю), — думаю я, что и от нее должно отречься²³, если она окончательно самоопределится (это шире и дальше, чем большевизм и его политика) как авангард Азии, идущей разрушить Запад, — причем Германия, *nota bene*²⁴, может оказаться ее ревностной союзницей, и пресловутый «*mariage mystique*»²⁵, помните! «*Mystische Ehe des deutschen Geistes und der russischen Seele?*»²⁶, получившим [так!] благословение в буддийской церкви...

Видите, как велико мое желание говорить с Вами, если я решился на риск быть непонятым (риск, впрочем, минимальный, если пишешь Вам), хотя бы стилем аллюзий, в пределах крошечного письмаца, *tanta canere, tanta vaticinari*²⁷?

Нисходя в житейское, — мечтаю, как и Вы, о *Lehrauftrag* (*incarico*)²⁸, на эмиграцию же отнюдь не ориентируюсь, почему желал бы устроить перевод своей монографии «Дионис и праднионисийство»²⁹; преподавать мог бы и греческую религию (и поэзию), и русскую новую литературу (с поэтикой). Рад каждому своему пере-

воду, и за «Достоевского» глубоко Вам благодарен³⁰. То, что издатель прислал мне сто марок, считаю большою дружеской услугой Вашей и Шора³¹.

В России жить не хочется, п[отому] ч[то] что я рожден Ἐλεύθερος³², и молчание там оставляет привкус рабства³³, (а в Баку у нас очень хорошо, и мне еще присылают основное профессорское жалованье, хотя вернуться в университет я не обещал), особенно же важно то, что воспитывать там Диму³⁴ для меня нравственная невозможность. Хотел бы издать много разных вещей (в стихах и прозе), но в издательстве аполитическом или анонимном, в силу данного в Москве при отпуске в командировку обещания, что не нарушу аполитизма и косвенно. Публ[ичные] лекции здесь, к сожалению, не читаются или не оплачиваются. А я мог бы читать по-итальянски, по-франц[узски] и по-немецки. Присылать ли для перевода «О религии Дост[оевского]»³⁵? Сердечный привет Нине Николаевне³⁶ и Вашей маме, которую я встречал в Москве на последних докладах своих. Лидия³⁷ горячо присоединяется к приветам.

Любящий Вас Вяч[еслав] Ив[анов]

